

Писица Бард

Дары проклятия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лисица Бард

Дары проклятия

«Автор»

2026

Бард Л.

Дары проклятия / Л. Бард — «Автор», 2026

Представь, читатель, что для всех вокруг ты — настоящий герой. Ты хранишь покой мирных жителей, заботишься о своём отряде, с которым убиваешь чудовищ. Это вся твоя жизнь. Но что, если однажды ты сам станешь чудовищем? Совершенно случайно. Глупо. Что тогда делать? Особенно, если заканчивать свою жизнь не хочется. Вилару придётся столкнуться с этим после укуса оборотня и узнать, что мир не так прост, каким казался ему всё это время.

© Бард Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16

Лисица Бард

Дары проклятия

Глава 1

Глава 1

В клыках судьбы

Пряный запах темноты,

Леса горькая купель.

Медвежонок звался ты,

Вырос — вышел лютый зверь.

Мириады звёзд рассыпались по ночному небу полем белых луговых цветов. И горе тому, кто будет настолько глуп, что попытается скрыться от этих всевидящих небесных очей.

Множеством своих белых глаз небо заприметило тёплый танцующий огонёк в окне высокой башни. Этот огонёк заставлял тени ритмично плясать и раскачиваться, дёргаться, искажаться. Таким было пламя — даже в контролируемом состоянии оно всё равно приносило в мир частичку хаотичного разрушения, хотя бы в тени тех, кого оно согревало. Своей же у него не было.

Тёплый свет оказался пламенем одинокой свечи, пленённой золотым подсвечником на краю старого, разбухшего деревянного стола. Стол этот помнил многое, судя по множеству чернильных пятен, бывших его собственной россыпью звёзд. Над миром пожившего стола склонился старик и что-то резво писал на пожелтевшей бумаге, яростно скрипя пером.

Нахмуренные густые седые брови, погасшие голубые глаза, в свете свечи казавшиеся безумными, да крючковатые пальцы с тёмными пятнами на коже — вот и был весь старик. Тело он прикрывал робой, в свежем своём состоянии бывшей белой, по швам была пришита широкая красная лента. На груди золотыми нитями было вышито солнце, круглое и лучистое, гордившееся своим потухшим от времени великолепием.

Старик торопился. Не выводя буквы до конца, оставляя крупные чернильные кляксы, он что-то хотел закончить. Хотел настолько, что это было вопросом жизни и смерти. Звёзды, подглядывавшие за ним в окно, не понимали, чего боится старец.

Тень пера, вступившая с пламенем в танец, двигалась всё более резко и быстро, будто танцевала с самой смертью, сражалась за право старика закончить свой труд. Старик старался ничего не слышать, не видеть ничего, кроме стремительно грязнеющего листка перед ним, но сквозь стену его сосредоточенности пробивались тяжёлые шаги железных сапог.

Бам. Бам. Бам. Трепещущее крохотной птицей сердце старика билось в унисон с топотом приближающегося конца. Дрожащая рука стремилась вывести на бумаге последние слова, нельзя было так просто сдаться, нельзя! Бам, бам, бам. Незваная гостья приближалась. Ещё чуть-чуть, и она с добродушной улыбкой заглянет в щель между дверью и полом. Огонёк свечи заплясал задорнее. «Давай, это ещё не конец!» — слышался в танце немой крик свечного пламени.

За дверью заскрипели стыки доспехов. Больше времени не было. Перо держалось из последних сил. Сломайся оно в этот момент — и всё пропало. Натужный латный скрип сдавливал грудь отчаянием. Они уже здесь. За дверью. В стенах. За спиной. Тут. Там. Подними только глаза.

В крепкую дверь, отделявшую старика от всего мира, с силой застучали. Рука от страха дёрнулась и сбила подсвечник. Грохот золочёного метала по холодному камню противно звенел в ушах. Воск разлился тонкой дорожкой. Танец пламени завершился смертельным пируэтом, а вместе с ним погиб и свет в комнатёнке.

— Праведный! Именем короны вы заключаетесь под стражу, немедленно открывайте!

Командирский голос, не терпящий возражений, гаркал по-вороньи. Комната, погрузившись во тьму без пламени свечи, абсолютно затихла. Стук повторился.

— Праведный! Я вынужден снести дверь! Открывайте!

Предупреждения были пустой тратой времени, магистр никогда бы на них не повёлся. Вместо этого он тихо зашептал слова на незнакомом большинству языке. Ожившими созданиями они, срываясь с губ, бегали по каменным стенам и холодному полу, ища себе пристанище, прятались в складки робы Менлера и дрожали от незнакомого мирского холода. Им, рождённым из груди, где пламенела живая душа, холод был чужд и противен. Борясь с ним, они готовы были сгореть дотла.

— Праведный!

Последний крик за дверью, и тишина. Стучавший дал отмашку своим людям, и они с лёгкостью выбили дверь. Поднялась чёрная пыль, какой здесь явно не должно было быть. Она не спешила оседать, мутным облаком заполняя пространство тесной комнатухи.

— Он что, поджог устроил? Где огонь?

Тот мужчина, что стучал в дверь и вопрошал к рациональному у магистра, рискнул войти в комнату. Сначала было тихо, но затем послышался грохот старых ставней.

— Командир? — забеспокоился кто-то из толпы.

— Нет тут никакого огня. Мы опоздали.

Чёрное облако быстро рассеялось от сквозняка, наконец приоткрывая завесу тайны. На полу лежали человеческие кости, покрытые пятнами сажи — единственное, что осталось от Менлера. Череп его торжествующе ухмылялся, потешаясь над собравшимися солдафонами, а запах палёной плоти не спешил выветриваться, найдя себе пристанище в щелях между камнями толстой башенной стены.

Лишь звёздное небо, наблюдавшее за происходящим с самого начала, знало, что произошло на самом деле. Вот только оно — самый преданный хранитель любых тайн, и эта тоже умрёт с рассветом.

Что-то капнуло на лоб. Крупной вязкой каплей оно потекло по лицу вниз, обогнув чуть вздёрнутый нос и собравшись у уголка губ. Губы разомкнул кончик языка, слизывая назойливую каплю. Рот наполнился мерзким железным вкусом.

Маленький мальчик, всё ещё осознававший, что его имя Вилар, открыл глаза. Он не видел ничего, кроме темноты, и под ногами была пустота. Он парил где-то в воздухе, в незнакомом пространстве, являвшимся отражением полного ничто. Ну или просто его глаза не были способны различить хоть что-нибудь вокруг.

Крохотными ручками он шарил в пространстве перед собой, но находил лишь пустоту. Ногами можно было перебирать хоть до измождения, всё равно до дна не достать. А откуда-то сверху изредка падали густые алые капли. Зачем они падали, если у Вилара они уже есть?

Стоило лишь уколоть палец, и на нём расцветал лепесток, подобный этим каплям, такой же красный и железный.

Здесь было холодно настолько, что можно было подумать, что родители просто увезли Вилара на самый север и закопали в сугробе. Но они никогда бы так не сделали. Они любили его больше самих себя. Вилар дрожал, но алый дождь не замерзал и, касаясь кожи мальчика, испускал тонкие струйки пара.

Впереди слышались шаги. Тяжёлые, медленные и гулкие. Вилар, конечно, лишь думал, что они впереди, потому что по звучанию он не мог различить их направление. Было ощущение, что кто-то шагает у него прямо в голове, маршируя по извилинам мозга в железных сапогах, сотрясая барабанные перепонки изнутри.

По сплошной черноте импровизированного неба пошла трещина. Длинная, угловатая и уродливая, она пропускала претонкий луч света. Он был так слаб, что практически сразу растворялся в царившей тьме, но давал обзор на главное.

В этом детёныше света стали различимы черты огромной женщины. Обнажённая, трёхликая и шестирукая, она простирала все свои конечности к Вилару, раскрывая их для объятий. Живот её от впадины между грудями до лобка был вспорот, и из него лилась чёрная смола, растекаясь по пространству и закругляясь, стремясь закрыть трещину в вышине.

— Сыночек, — слышался в голове Вилара ласковый женский голос, губы женщины остались неподвижны. — Помоги мне. Спаси меня, Вилар! Не дай мне исчезнуть! Не дай!

Каждый её возглас был громче предыдущего. Вилар вскрикнул, закрыв уши руками, из которых по шее потекла кровь. Он кричал, пытаясь заглушить голос внутри, но он всегда был громче. Тяжёлый, давящий крик, умоляющий о спасении, был словно острый нож, протыкающий тело бешеными ударами...

... Вилар резко сел. Тяжело дыша, он оглядывал свою комнату, сжимал руками тонкое летнее одеяло. Руками большими, взрослыми, с чуть мозолистыми сильными пальцами. Каштановые волосы были в полном беспорядке, зелёные глаза сверкали тем самым детским страхом, который он испытал, когда ему впервые явилась эта женщина.

Опять этот сон. С ранних лет ему снилось одно и то же, и ни один магистр не знал, как от этого избавиться. Никакие средства не помогали. Гулко вздохнув, Вилар встал с кровати и потянулся, взглянув в окно. Было светло, судя по положению солнца, был почти полдень. Горожане сновали туда-сюда, подчиняясь каким-то своим делам. Иногда Вилар жалел, что ему пришлось переехать из родной деревни в шумный город. Порой хотелось просыпаться с видом на подлесок, такой спокойный и тихий.

Подойдя к бочке, стоявшей в углу комнаты, Вилар несколько раз ополоснул лицо прохладной водой. Стало полегче, морок сна почти рассеялся. Вот и хорошо. Этот день обещал быть насыщенным, нужна была вся его бодрость, так что не было времени заикливаться на чём-то, на что он повлиять был не в силах.

— Так чего, говоришь, твоим ребятам не хватает?

— Я говорю, нужны новые наплечники. Эти совсем плохи. — Вилар показал свой наплечник с явными следами износа. — Вон ржавчина, здесь потёртость!

— Да отслужат они ещё! Не придумывай!

— Да что ты говоришь?!

Как день начался не слишком хорошо, так и продолжился с фальшивых нот. Вилар горячо спорил с орденским заведующим оружейным складом, и так было каждый раз, когда речь заходила о замене непригодных доспехов или о новом оружии. Заведующий хмурился, всё время оставляя пометки в своём нескончаемом пергаменте, ворчал себе под нос и перекрикивался с Виларом, как девка базарная. Крючковатый нос его был похож на клюв чинной и наглой птицы, мелкие хитрые глазки бегали туда-сюда по строчкам, которые и гроша не стоили, ведь были сплошным враньём.

— Мне. Нужны. Наплечники.

Вилар был как никогда зол, отчеканивал каждое слово. У виска предательски вздулась венка, дополнительно выдавая его раздражение. А заведующий лишь хмыкал.

— Вилар, иди уже своей дорогой, нет у меня ничего! Нет!

— Есть! Святейший сказал, что недавно было пополнение склада за счёт королевской казны.

Маленькие глазки быстрее забегали по строчкам. Птичий нос поник. Вилар знал, куда давить — этот товарищ давно был не чист на руку. Нужно было только подковырнуть гниющую рану его совести, чтобы доставить ощутимый дискомфорт.

— Может, мы с ним поднимем учётные бумаги? Надо же знать, куда делись средства, отданные на наплечники и другие доспехи. Если у нас завёлся вор, — заговорил Вилар на тон тише, поближе наклонившись к заведующему, — надо его поймать. И наказать по всей строгости. Ты ведь согласен?

Каждым своим словом Вилар играл на нервах заведующего как на лютне. Тянул струну за струной, накаляя обстановку. Тот взял себя в руки и поднял свои глазки от лживых бумаг, хмыкнув.

— Ладно! Найду я тебе наплечники! Найду! Завтра выпишу, а теперь иди, не доставай!

Всё вышло даже лучше, чем планировалось. Вилар, удостоив заведующего кивком, выпрямился и пошёл своей дорогой. Едва он отвернулся, на губах заиграла лёгкая улыбка. Руки он расслабленно сунул в карманы штанов, большие пальцы оставив снаружи. На дороге под ногами лежал маленький камень — надо же ему быть таким неосторожным, он просто напрашивается на удар носком сапога. Так и случилось. А потом ещё раз. На третий раз камушек осознал свою ошибку и, сменив траекторию, отлетел в сторону от дороги. Пришла очередь следующего.

Расслабленно гоняя камни по пыльной тропинке, Вилар думал о том, как же власть портит людей. Причём влияет она не только на соблазнившегося, но и на окружающих. Почему он должен сейчас страдать и ждать лишний день, хотя мог выполнить поручение Ордена уже сегодня? Потому что кому-то захотелось денег? «Вот придёт беда в твой дом, тогда поймёшь, кого обворовал на самом деле», — пронеслась в голове Вилара мысль, сопровождаемая язвительным тоном внутреннего голоса.

Солнце лениво катилось по небу в сторону горизонта, сопровождая Вилара на его пути. Тёплый ветерок трепал его волосы своими пальцами, а, когда ему наскучивало, начинал гонять по земле жухлые листья, подкидывая их невысоко и кружа в причудливом танце. Осень в этом году была на редкость приятной, по крайней мере, в Тальмире. Столичный город, колыбель

королей и королев, славился несколько суровым климатом, однако сейчас об этом напоминали лишь желтеющие листья, кружевом обнимающие землю под ногами.

От раздумий и камушков отвлѣк звонкий девичий смех. Вилар поднял голову и встретился взглядом с двумя знакомыми девушками неподалѣку. Они улыбались и махали ему рукой, зазывая в таверну рядом. Улыбнувшись в ответ, но покачав головой, Вилар пошѣл дальше, по пути поймав пару воздушных поцелуев. Чего у него было не отнять, так это популярности у противоположного пола. Правда, вероятность того, что девушек привлекал не столько сам видный и красивый юноша, сколько символ солнца на его доспехе, никогда не равнялась нулю. Об этом видный и красивый юноша предпочитал думать поменьше.

Вилар шѣл к своему отряду, а, проще говоря, к добрым товарищам. Состав их, конечно, за столько лет его командования претерпел некоторые изменения, но последние полгода был стабилен, и ребята хорошо сдружились. Для Вилара они стали словно второй семьѣй. На самом деле единственной, ведь родных у него не осталось.

Наконец, показались казармы — большое каменное здание с двумя смотровыми башнями, на которых всегда кто-то дежурил. Будучи ребёнком, Вилар всегда думал, что это королевский замок, и мечтал хоть раз там побывать. Очевидно, у него это получилось.

Казармы служили жильѣм для тех, кто отважился вступить в Орден Хранителей Покоя в роли убийц чудовищ — самой многочисленной его группы. И много было храбрых юношей и девушек, что решили посвятить свою жизнь защите людей и служению истинным богам, а потому казармы никогда не пустовали.

Вилар вошѣл в здание, коротко кивнув стражнику у входа, и сразу направился в общий зал, служивший местом отдыха, где обычно собирался со своими ребятами. В этот раз людей там практически не было, и он сразу нашѣл взглядом тех, кого искал.

За деревянным круглым столом сидели четверо, и, не зная случайный прохожий о том, что их связывают дружеские отношения, даже не подумал бы, что это возможно. Сложив локти на стол и подпирая руками голову, в центре сидел светловолосый здоровяк и скучал, пока по обе стороны от него ребята поменьше о чѣм-то спорили. Чуть поодаль от них сидела мрачного вида женщина, положившая руку с растопыренными пальцами на стол и стучащая остриѣм кинжала между ними. Еѣ вообще не волновал шум где-то над ухом.

— Ты вообще хоть что-то умеешь? — ворчал один из спорящих, заставляя второго ярко краснеть до самых ушей.

— Лесом иди! Всѣ я могу!

— Поговори мне тут, ты даже меч в ножны с первого раза вставить не можешь. Это же абсурд!

Вилар покачал головой. Он уже привык к перепалкам Ливана и Иона, но первый в этот раз перегибал палку, уж слишком критикуя второго.

— Так, отставить ругань! — бодро вставил Вилар, подходя к друзьям. Женщина остановилась и кивнула в знак приветствия, здоровяк заметно повеселел. — Взяли бы пример со старины Огьера и Дай'Ла, сидят себе и отдыхают. Нечего тут орать.

Ребята затихли, однако переглянулись так, что было件нятно, что словесная битва их не закончена. Вот только было бы за что бороться.

— Когда мы выступаем? — заговорила Дай'Ла. Длинная чѣлка перекрывала половину еѣ лица, а из-за чѣрных волос создавалось впечатление, что еѣ разъедает тьма.

— На днях. Завтра старикашка выпишет нам оставшееся снаряжение.

— И кого на этот раз? — взбодрился Ливан, прекращая дразнить Иона.

— Оборотней. Обосновались в лесу близ замка, — коротко ответил Вилар. Ребята ожились от такой новости, явно уставшие от пограничных патрулей. У Вилара тоже руки чесались убить пару-тройку чудовищ, сделать мир чище.

— О-о, блохастые! Это хорошо. Отправим их к Первой Реке! — Огьер наконец заговорил, довольно улыбнувшись. И Вилар улыбнулся ему в ответ, проговорив:

— Да вижу я, как вы в патрулях заскучали. Я тоже. Но я не стал рисковать и решил дожждаться новых наплечников. Вроде и мелочь, но вдруг, что случится. Нынешние никуда не годятся.

Вилар смотрел на бумагу в своих руках и на снаряжение перед ним. «Четыре пары наплечников». Это было чётко написано в накладной, это же и лежало перед ним. Пальцы сжимали пергамент всё сильнее, до лёгкого хруста бумаги.

— Почему четыре? В моём отряде пять человек, включая меня, — Вилар изо всех сил старался говорить спокойно.

— Сколько было — столько и выписал! Хочешь новые, иди к кузнецу и бери заказ. Управится за несколько дней.

Будь воля Вилара, его кулак давно бы уже встретился с уродливой мордой заведующего складом. Раздражение и гнев, родившиеся в момент вручения снаряжения, росли с невероятной скоростью, вскормленные этой безалаберностью. Сомнения в том, кто в мире большие чудовища — вороватые заведующие или монстры, в такие моменты неизменно возникали в голове Вилара.

— Нет у меня пары дней, как ты не понимаешь!

Кажется, раздражение и гнев обзавелись возможностью использовать голос своего носителя.

— Ничем не могу помочь! Иди, пока не порвал накладную и не забрал всё обратно!

Сами Истинные боги, видимо, даровали Вилару моральных сил, чтобы не вlepить со всей силы этому старому крысу, поэтому он лишь взял снаряжение и пошёл прочь. Стыд мелкими шаловливыми ручонками оставлял на щеках алые пятна, гонял по коже табуны мурашек. Писклявым голосочком он врывался в его голову дурными мыслями: «Ну и какой же ты капитан? Ты даже не смог одеть себя и свой отряд. Ах, да, даже сейчас ты на первом месте, не повезло твоим ребятам!»

Когда Вилар пришёл к друзьям и рассказал о произошедшем, в зале повисла гнетущая тишина. Дай'Ла смотрела на новое снаряжение странным взглядом, по поверхности натёртого наплечника бегал солнечный лучик. Здоровяк Огьер вздохнул так, будто тяжеленный камень с плеч сбросил, и, переводя взгляд на Вилара, спросил:

— Да куда нам спешить, может и правда у кузнеца просто заказ сделаем? Наш быстро справляется обычно. В крайнем случае попросим побыстрее, подкрепляя это всё звонкой монетой.

Дай'Ла нахмурилась, отводя взгляд от солнечного блика на наплечнике, и покачала головой.

— А оборотни тем временем на кого-то нападут? Наш отряд единственный сейчас остался в окрестностях, а мы и так уже сколько времени не можем выбираться на нормальные вылазки. Я готова идти со старым снаряжением.

— Я тоже готов отдать своё, — ответил Ливан. Тут же кивнул и Ион, пробормотав что-то, означавшее такую же готовность.

Настала очередь Вилара хмуриться. Он скрестил руки на груди, чувствуя, что если не займёт их, то его кулак громко ударит по столу, за которым они все собрались.

— Нет, — резко ответил он, — если и пойдём, то у вас будет всё новое.

Редки были те моменты, когда Вилару приходилось говорить со своими товарищами по оружию с позиции авторитета, и как бы не хотелось их избежать, это было невозможно. Сейчас был именно такой. Несомненно, Вилару по-человечески было приятно, что все они так дружны и готовы уступить друг другу даже ценой собственной безопасности, но как капитан он просто не мог этого позволить.

— Мне нужно обо всём подумать, — сказав это, Вилар вышел из зала и начал прогуливаться по казарме.

Длинный коридор, соединявший две половины казармы, пустовал. Взгляд Вилара скользил по окнам, высотой доходившим почти до потолка. Сквозь прозрачное стекло пробирались солнечные лучи. Преломляясь, они меняли свою траекторию и падали на фрески, украшавшие стены.

Вилар помнил историю этих фресок. Святейший лично контролировал, чтобы они достоверно изображали историю нисхождения Истинных богов. Вот Солнце разгоняет первобытную тьму, рассекает копьем тяжёлые тучи, возвращая миру свет и прогоняя уродливых монстров. Он златокудр и прекрасен, на его лбу то же солнце, что и на доспехе Вилара. Да и не только на доспехе, вообще практически на любом одеянии Ордена Хранителей Покоя. Существовало лишь одно исключение.

Далее сюжет фрески менялся. Теперь уже в свете солнца вместо чудовищ появились люди. Они строили дома, возделывали землю, радовались и любили, и за всем этим бдела Жизнь — несменная спутница Солнца. Такая же прекрасная, как и Солнце, она наставляла людей, охраняла их быт, оберегала по ночам. На лбу богини была нарисована луна и, как говорили, символ луны украшал кое-какие орденские одежды, будучи тем самым исключением, но Вилар никогда его не видел. А вот присутствие богов мог почувствовать каждый — стоило лишь взглянуть на солнце днём и на луну ночью. Сменяя друг друга, эти боги охраняли мир, своим приходом провозгласив эру Рассвета.

Вилар дошёл до конца коридора, погружённый в собственные раздумья и религиозные фрески. Здесь за дверью находилось место молитвы. Рядом с дверью висел прибитый гвоздём пергамент с написанным эдиктом №8, именуемом «Об Истине и Лжи».

По правде сказать, Вилар никогда особенно не верил в богов. Ни в Истинных, ни в Ложных. Он считал, что, существуя боги на самом деле и будь они столь добры, как их описывают в летописях Ордена, они бы избрали ему судьбу попроще. В конце концов, он не сделал в своей жизни ничего дурного, за что должен был лишиться любящей семьи в юном возрасте.

Погружаясь в раздумья, Вилар подошёл к эдикту. Он декламировал следующее: «Всех богов, за исключением Солнца и Жизни, чьи образы есть в каждом соборе Ордена Хранителей Покоя, признать Ложными. Поклонение этим богам запрещено в каждом поселении, находящемся под защитой Ордена. При выявлении нарушений Орден оставляет за собой право уничтожить любые следы поклонения Ложным богам и покарать виновных в соответствии с текущими законами Королевства. При дальнейшем неповиновении поселение лиша-

ется покровительства Ордена Хранителей Покоя до устранения угрозы хрупкому равновесию мира».

Серьёзные, пугающие слова, что всегда пишут в законах, хорошо играли на страхе, а более эмоционально окрашенное «хрупкое равновесие мира» добивало окончательно. Потерять покровительство Ордена для поселения означало неминуемую гибель. Впрочем, сгинув по собственной глупости, отступники оставляли землю для верных и преданных людей и практически не передавали знания о Ложных богах, а потому сейчас почти нет следов поклонения им. Вилар не был уверен, как он к этому относится, но иногда был рад тому, что, куда бы он ни пошёл, его уважают лишь за принадлежность к Ордену и не мешают выполнять работу. В конце концов, было бы гораздо больше неудобств, если бы в каждом поселении ему щекотали рёбра¹ бешеные фанатики.

Вилар повернул назад, встретившись взглядом с Солнцем на фреске. Сказочно красивый копьеносец с гордостью нёс людям спасение, направлял их и избавлял от горестей, приносимых чудовищами. Смотря ему в глаза, Вилар всё больше укреплялся в том, что он обязан повести своих людей на задание и обязан обеспечить их безопасность. Губы растянулись в лёгкой усмешке, после чего он кивнул богу в знак скромной благодарности за немое наставление и направился обратно.

Вернувшись к друзьям, он выразил им то же, к чему пришёл, вышагивая среди фресок, и после недолгого мрачного молчания все с ним всё-таки согласились, хоть каждый и норовил отдать ему свою новую часть доспеха. Вилар в этом вопросе был непреклонен, он не мог подвергать Своих людей опасности. Он не мог их потерять. Только не их.

Когда была решена судьба их вылазки, настало время обсудить план. Ливан достал из своего рюкзака карту и расстелил её на столе. На карте в городах были сделаны странные отметки. Любопытство Иона проснулось и заставило его задать вопрос:

— А что это за пометки?

Ливан на это лишь ухмыльнулся.

— А ты догадайся.

Любопытство Иона не было удовлетворено таким ответом. При этом интуиция крепко спала, не желая разгадывать никакие тайны. Дай Ла было достаточно взглянуть на карту лишь раз, чтобы ответить:

— Это кабаки. Зная вкус Ливана, злчные и с кислым пойлом.

— Сама ты кислая! — возмутился Ливан, но отрицать её догадку не стал.

Небольшая эмоциональная разрядка спасла нудное обсуждение миссии. Ребята сидели своей малой кучкой над картой и рассуждали, откуда лучше атаковать, кому лучше выйти вперёд, кому поддерживать спину впереди идущему и всё в таком духе, а с лиц не сходили улыбки. План был начертан крупными мазками, как-то более детально подходить к делу никто не хотел, уж слишком много факторов были неизвестны, от направления ветра до реальной величины стаи оборотней, чётких разведданных им в этот раз не дали, а потому придётся большей частью опираться на опыт, чем на стратегию. Детали были обговорены, насколько возможно, отряд договорился о встрече и на том разошёлся по своим делам.

Дорога домой пришлась на сумерки. Вилар медленно шёл, поглядывая на зажигающиеся в темнеющем небе огни звёзд. Ему всегда думалось, что они похожи на сыпь, такую, что разъедает полотно небес. Или, быть может, это были проделки Солнца, который мечтал даровать людям нескончаемый день и старательно протыкал чёрную вуаль своим копьём. Наверняка, если он этого не сделает, солнце не взойдёт.

¹ Щекотали рёбра — мешали, отвлекали. Выражение происходит от поверья, что мелкие Ложные божки любят отвлекать прихожан от молитвы Истинным богам с помощью щекотки (разг.)

Отвлекаясь на размышления о небе, Вилар старался не думать о старом снаряжении, которое ему придётся использовать. Однажды точно такой же случай стоил жизни одному из прошлых членов его отряда — Цвейгу. Этот смуглый юноша с горящими янтарными глазами восхищал Вилара своей отвагой, и три года назад он разрешил ему пойти со старым доспехом, ситуация была до боли похожа на текущую. Цвейг с того похода не вернулся, став ещё одной незаживающей язвой на совести Вилара. Ведь это он допустил, он разрешил.

Сердце Вилара дырявили звёзды его собственных мыслей. Не часто его посещало дурное предчувствие, и сейчас этот момент настал. Тревога колючей лозой сдавливала его шею, впиваясь в артерии и пуская кровь. Вилар покачал головой, пытаясь отогнать наваждение и думать лишь о долге перед человечеством, который они обязаны исполнить. Так и прошёл он всю дорогу до дома, полный гнусных мыслей, не дававших вдохнуть полной грудью.

Тишину, царствующую во мгле закатного неба, рассёк надрывный волчий вой. Вилар, занятый починкой кожаного ремешка наплечника, вздрогнул и повернул голову к окну, вглядываясь в бледный диск луны. В душе зрело беспокойство о грядущем дне, но в то же время оно рождало решимость побыстрее разобраться с нависшей угрозой, ведь, когда настанет полнолуние, чудовища озвереют настолько, что справиться с ними без потерь не представится возможным.

Осень, в свои права ещё не вступившая, всё равно решила напакостить охотникам и накидать сухой хрусткой травы под ноги. Вилар и его отряд двигались вглубь леса на северо-западе от города. Естественно, с подветренной стороны, чтобы оборотни их не учуяли раньше времени и не попрятались по своим логовам. Отряд подобрался так близко к предполагаемому убежищу чудовищ и затаился в напряжённом ожидании. Раздался едва различимый скулёж.

— Вон там, — прошептал Ливан, держа лук наготове и показывая кивком вперёд. За высокими кустами, где и прятался сейчас отряд, отдыхала стая оборотней.

Днём эти твари любили отсыпаться, а ночью охотиться, потому сейчас они были сонные и ленивые. Огромные волки, на две-три головы выше обычных, мирно лежали на скрытой поляне. Одна волчица вскармливала волчат.

— Щенки — это плохо, — прошептал Ион. — Надо следить, чтобы все были перебиты. Сколько их там?

— Три, — коротко бросил Вилар. Он оглядел своих ребят. — Готовы? Мы с Огьером вперёд, остальные прикрывают. Дай'Ла, на тебе выводок.

Все кивнули, и этого было достаточно. Вилар показал три пальца, поочерёдно загнул каждый, и, когда был загнут последний, они с Огьером выпрыгнули из кустов, застав полуспящих оборотней врасплох. Следом за ними пошли Ливан, Дай'Ла и Ион.

Перебить сонных волков оказалось не слишком трудной задачей, звери почти не сопротивлялись тяжёлым ударам мечей и острым стрелам. Некоторые даже встать не успели, получив клинком между глаз.

Самой яростной оказалась волчица с щенками. Она защищала своё потомство с таким упорством, с таким отчаянием, будто бы и правда что-то понимала, будто её голова не была набита инстинктами, как пугало соломой, а что-то там внутри было, что-то *обладающее душой*. Прикрывая телом своих волчат, она смотрела прямо в глаза Вилару, который занёс над ней меч.

На мгновение время словно остановилось. В пылу битвы Вилар мыслями оказался где-то совсем далеко. Он не мог отвести взгляда от волчицы, в которой видел бешеную ярость и огромный страх. Ему почудилось, что вот-вот это чудовище заплачет навзрыд понятным, абсолютно человеческим голосом, умоляя не трогать детей.

От этой мысли у Вилара чуть не дрогнула рука, но он быстро с собой справился, отрубив волчице-матери голову. Мохнатая башка с раскрытой пастью и закатившимися глазами упала рядом с щенками. Благо, ужас их был недолог, Дай'Ла уже принялась обрезать нити их жизней.

Кровь волчицы лилась густыми потоками, обезглавленная туша безжизненно завалилась на землю. Вилар не мог отвести от неё взгляда. Казалось, что он моргнёт, и мир изменится, открыв ему истинную картину обезглавленной женщины с мёртвыми детьми рядом. «Глаза... глаза этой волчицы были полны боли не за себя. Как чудовище может чувствовать хоть что-то, доступное лишь человеку?»

У Вилара почему-то снова побежали мурашки. Он столько раз убивал монстров, и единственное, что он чувствовал — триумф от победы и удовлетворение, но сейчас ему почему-то стало не по себе. Он не мог отвести взгляда от отрубленной головы, глаза которой уже остекленели. Вилар заметил собравшуюся в уголке правого глаза волчицы слезу и отвернулся.

— Ха-ха, какой забавный!

Из мыслей вырвал голос Огьера. Здоровяк звонко смеялся над чем-то. Тряхнув головой, Вилар подошёл ближе и увидел, как Дай'Ла держит за холку на вытянутой руке совсем крошечного волчонка. Он пытался рычать и брыкаться, но сделать ничего не мог.

— Такая кроха, а уже зубы скалит. Ух, какой!

Ливан дразнил волчонка пальцами. Заметив это, Вилар нахмурился и сделал шаг ближе.

— Ливан, убери руку. Я не хочу оплакивать тебя у погребального костра.

Ливан послушался, спрятав руки за спиной и смущённо отведя взгляд. А Вилар продолжил:

— Дай'Ла, это последний? Кончай его и пойдём отсюда.

Девушка кивнула. Она полезла за кинжалом свободной рукой, отвлекаясь от волчонка. Хватка её совсем чуть-чуть ослабла, но этого хватило, чтобы зверёныш задёргался и, оттолкнувшись, прыгнул прямо на Вилара, стоявшего перед ним. От неожиданности он вскрикнул, теряя равновесие, и дёрнул рукой, чтобы скинуть с себя щенка. От резкого движения ремешок наплечника надрывно треснул, доспех начал скатываться с руки.

Следующее мгновение для Вилара стало вечностью. Наплечник скатился по руке, почти до предплечья. Волчонок вцепился зубами в уязвимое, не защищённое более железом плечо. Вилар упал на спину, чувствуя, как крохотные клыки впиваются в его плоть. Волчонка тут же отодрали и прикончили, но это было где-то далеко.

Вилар сел, не видя ничего вокруг. Дрожащей рукой он коснулся плеча, которое сразу обожгло. На пальцах осталась алая кровь. Его кровь. Чудовище оставило ему рану. Даже царапины оборотней заразны, а тут целый укус.

Кровь капала с плеча на землю с оглушающим звуком. С таким же звуком будут кидать хворост для погребального костра, на котором Вилара сожгут, когда проявятся первые признаки обращения. А они обязательно проявятся, сомнений и надежд практически не было. И такими же алыми лентами, как пролитая кровь, в знак траура завяжут ему глаза. Наверняка эта

лента потемнеет от слёз. Особенно когда крадущееся пламя лизнёт голые стопы. Полопается кожа от его поцелуев, начнёт таять, оголять кости. Пламя заберёт с собой проклятие Вилара, очистит его, выжигая естество. И как же это будет больно.

Вилар замер в ужасе, который не испытывал уже очень давно. В последний раз такое потрясение с ним было в совсем юном возрасте. Его ребята тоже застыли, будто статуи, не зная, что сказать или сделать. Первым очнулся Огьер — он бросился к Вилару и чем-то из своей поясной сумки облил его плечо. Рану вновь зажгло, но Вилар не шелохнулся. Он слышал голоса ребят, слышал беспокойство, слышал возню, но в глазах его стояло лишь яркое пламя костра.

Где-то вдалеке в небо взмыла стайка ворон. От их крика Вилар пришёл в себя и начал вставать, схватившись за укушенное плечо. Замолчав, ребята начали ему помогать, будто он сейчас снова упадёт, и они начали возвращаться в город.

Глава 2

Глава 2

Он думал, что хуже быть не может

Серые стены лазарета возвышались безжизненной твёрдой массой. Глазами Вилар бегал по ним в надежде зацепиться за что-то, способное развлечь. Количество вмятин в грубой штукатурке уже было посчитано, наблюдение за пылинками, танцующими в лучах проникавшего сквозь окна солнца, надоело практически сразу.

Время, как и стены, тоже стало безжизненной твёрдой массой. Оно не хотело идти вперёд, не хотело давать ответы, которые Вилар так жаждал услышать, оттягивало встречу с судьбоносным. А грустные взгляды врачей, да брошенные невпопад, будто мусор под ноги, слова поддержки лишь сильнее закаляли сталь капризных минут.

Самым страшным в отсутствии дела было наличие мыслей. Замученные отчаянием, они принимались мстить психике своего невинного создателя, множили болезненные язвы в голове, которые не мог вылечить ни один врач.

— Ты испортил себе жизнь! — плакал один голос.

— Твоих родителей порвали на куски чудовища, а теперь ты сам станешь чудовищем! Вот потеха! — вторил тот же голос с другой интонацией, будь у него воля, он бы захохотал во всю свою мнимую силу.

— Ты подвёл всех, Вилар. А прежде всего самого себя. Сдохнешь, ничего не достигнув, ничего не оставив хорошего. И никто тебя через пару лет не вспомнит, даже твой любимый магистр Ирон.

Вилар схватился за голову согнувшись. Острые клинки навязчивых мыслей, окроплённые ядом тоски и уныния, причиняли боль, которую он не был в силах вынести. Он не сразу заметил катящиеся по щекам слёзы. Жизненный путь Вилара сократился до двух направлений: одно вело к пылающему до закатных небес костру, второе — в вечную темноту, за горизонты бытия. И оба пути означали смерть. Не было у этой истории счастливого конца. И быть не могло.

Больше, чем отчаяние, Вилара мучил страх неизвестности. Он понимал, что произошло непоправимое, но не был в силах осознать в полной мере, что может поджидать его в тенях проклятия. Что будет, когда он потеряет себя в порыве ярости, освещённый хладом манящей

луны? Как долго он сможет сопротивляться? Ответов, естественно, не было, не всякий имел честь оказаться в лазарете после укуса оборотня, а не в костре.

Вилару почти удалось заснуть, но из плена небытия его вырвал навязчивый стук в окно. Он сквозь невероятные усилия распахнул веки и встал с неудобной кровати. Сделал пару шагов и увидел за окном слишком знакомый силуэт в чёрном плаще.

— Дай'Ла?

Рука не стала медлить и открыла скрипучее окно. Девушка ловко запрыгнула на подоконник и сняла капюшон, открыв лицо, искажённое печалью. Мысленно собрав себя по кусочкам, сделав лицо попроще, Вилар прислонился к подоконнику рядом с ней и заговорил так буднично, как мог:

— Ну чего ты?

Между ними воцарилась тишина. Вилар был терпелив в ожидании ответа. Наконец, он услышал робкий шёпот:

— Это моя вина.

Голова Дай'Ла была опущена, лицо от мира теперь скрывали её чёрные волосы. Спадая на плечи с обеих сторон, они открывали след от маленького, круглого клейма на задней части её шеи.

— Кто сказал? — со вздохом спросил Вилар, понимая, что ему предстоит нелёгкий разговор, на который придётся искать в себе силы.

— Я сама.

Ответ абсолютно не устраивал. Вилар шагнул к Дай'Ла, встав перед ней, и настойчиво обхватил её лицо руками. Жест весьма наглый, но было нужно, чтобы Дай'Ла смотрела не на свои ноги.

— Я не виню тебя ни в чём, — настойчиво сказал Вилар, — никто не виноват. Это нелепая случайность.

По щекам Дай'Ла покатались солёные слёзы, прозрачные, как стекляшки. Они прятались за пальцами Вилара, собираясь в крохотные лужицы. Он видел её слёзы лишь однажды до этого момента. Дай'Ла нужно было совершить над собой усилие, чтобы ответить хоть что-то, и вот из её горла смог вырваться полный тоски выдох и зацепил за собой рвущиеся наружу слова:

— Я не могу тебя потерять!

Дай'Ла окончательно сдалась. Зажмурившись, она плакала так, что при желании могла подтопить лазарет. Вилар, не медля, крепко её обнял, начиная гладить по голове. Он чувствовал, как расплзается на его рубашке мокрое пятно.

— Всё будет хорошо, — шептал он ей на ухо, — ты не одна. Прошли те времена, когда у тебя был только я, и когда положиться ты могла только на меня. У тебя всё получится. Я знаю.

— Нет! Нет, это не...

Вилар не дал ей договорить. Он обнял Дай'Ла крепче и настойчиво сказал:

— Прекрати. Ты знаешь, что я прав. А я знаю, что ты давно уже не воровка-беспризорница без цели.

Дай'Ла всхлипнула особенно жалобно и наконец сама крепко обняла Вилара. Ей так много хотелось сказать, в её груди пряталось столько чувств, что они грозились разрушить тюрьму рёбер и выплеснуться сплошным тяжёлым потоком. Пока у слов не получилось.

Вилар не спешил. Просто был рядом. Он до сих пор не понимал, почему именно забрал Дай'Ла с собой с улицы несколько лет назад. Поначалу он думал, что просто влюбился, но чувства так и не пробудились. И как кандидату в соратники он её не рассматривал — Дай'Ла была настолько тощей и слабой, что не могла держать оружие в руках, не то что пользоваться им по назначению. И она тогда очень его боялась, что не было удивительным при её обстоятельствах. Клеймо Вилар заметил тогда не сразу, но впоследствии оно объяснило многое. И

Вилар готов поклясться, что прошлое до сих пор тянет Дай'Ла в бездну, но поделаться с этим он не мог ничего, мог лишь быть рядом и давать ей ощущение безопасности.

Дай'Ла, наконец, притихла, но Вилара не отпускала. Он тем более не разжимал рук, продолжал гладить её прямые волосы.

— Прошу тебя, — заговорил он, — не падай духом. Хотя бы ради меня. Ради моей памяти, если меня сожгут. Ты столько можешь достичь, если поверишь в себя. По-настоящему поверишь. Прошу тебя.

Вилар ощутил, как по её телу прошлась дрожь. Дай'Ла выпрямилась, чуть разомкнув руки, которыми крепко обнимала Вилара, и взглянула ему в глаза.

Он ожидал заплаканные, красные и припухшие глаза, мокрые следы на щеках и неимоверную тоску. С ожиданиями совпало всё, кроме взгляда. В глазах девушки поначалу он увидел грусть, но она быстро сменилась настоящим ужасом, какой он видел каждый раз, когда какой-нибудь горожанин, не привычный к виду монстров, вдруг встречал такового.

Вилару понадобилось мгновение, чтобы повернуть голову и посмотреть на себя в зеркало, висящее на стене. Он знал, что это простое движение заняло бы не больше секунды. Вот только время решило над ним пошутить и растянуло этот миг по ощущениям на добрую минуту. Возможно, Вилар просто не хотел встретиться с тем, что увидела Дай'Ла.

В зеркале было отражение двух людей. Вилара, стоящего перед окном, было видно полностью, а вот спина Дай'Ла в зеркальную границу не попадала. На Вилара через отражение смотрели его собственные глаза. Они всегда были зелёные. Он столько комплиментов получал именно из-за них, спасибо матери за такой подарок. Однако в этот миг на него смотрели ярко-жёлтые хищные огни. Золотистые и опасные, наверняка, будь сейчас темно, они бы зловеще сверкали.

Вилар не мог этого видеть. Страх вновь обхватил его голову руками, надавливая тощими пальцами где-то в районе висков, напоминая о том, как хрупка сейчас грань между рассудком и безумием.

Зажмурившись, Вилар крепче обнял Дай'Ла, даже не заметив того. Ему хотелось кричать. Вопить во всё горло, дёргать на себе волосы. Сквозь стиснутые с силой зубы вместо крика слышалось низкое утробное рычание.

Время Вилара подходило к концу. Он чувствовал это, даже не скрывал от лекарей признаки обращения. Какой в этом был смысл? Ну, продлил бы он себе жизнь до ближайшего полнолуния, а потом чудовище внутри вырвалось бы наружу и его всё равно бы убили. При таком раскладе он разве что унесёт парочку невинных жизней с собой, будучи в приступе слепой жажды крови. Невольно вспомнилась отрубленная голова волчицы-матери с застывшими

в уголках глаз слезами. Будет ли он так же горевать, если надуманное станет реальностью? Или от его разума ничего не останется?

«Подчинись мне. Какой смысл сопротивляться?»

С того момента, как Дай'Ла, нарушая правила, пришла к его окну, Вилар не только периодически пугал всех звериным взглядом, но и стал слышать голос. Чужой, искажённый, рычащий. Он уговаривал его поддаться и перестать отрицать свою новую природу. И заткнуть его было невозможно.

«Вилар, я голоден. Накорми меня, или мне придётся съесть Тебя».

«Вилар».

«Вилар».

«Вилар-Вилар-Вилар... Ви...»

— ... лар. Вилар?

Вилар не сразу понял, что разговаривает с ним уже не монстр. Он резко поднял голову и увидел в дверях комнаты магистра Ирона.

— Святейший, — опомнившись, Вилар начал здороваться по всем правилам, осеняя себя знаменем солнца, но магистр его прервал.

— Сейчас формальности ни к чему, — Ирон подошёл к Вилару и сел на кровать рядом с ним.

Какое-то время они молчали. Будто бы оба не знали, с чего начать. Наконец, Вилар убил тишину:

— Вы пришли попрощаться?

Мгновение Ирон не отвечал, на самом деле ужасно мучая Вилара своим молчанием. Страх снова начал просыпаться, рисуя в мыслях образы красного всеочищающего пламени, в которое придётся шагнуть.

— И да, и нет, — наконец ответил Ирон.

Было совершенно непонятно, как на это реагировать. Только Вилар попытался уточнить, как Ирон продолжил:

— Ты не умрёшь. Я не могу этого допустить. И я использую один-единственный шанс, который могу, — Ирон, наконец, перевёл взгляд на Вилара. — Есть один человек, который может тебе помочь. Вряд ли он захочет, но выбора у него не будет.

Ирон говорил о чём-то невероятном. Не было в этой ситуации никаких других шансов, кроме погребального костра.

— Но как тут можно помочь? — усомнился Вилар. — Обращение случилось. Я меняюсь, я слышу голос чудовища в голове. Это не остановить.

— Этот человек может знать методы.

Вилара такой ответ не устраивал. Он означал, что дорогой сердцу магистр что-то от него скрывал, что-то очень важное. Но какой в этом был смысл? Быть может, магистр Ирон просто не мог рассказать больше? Тогда Вилар решился задать уточняющий вопрос:

— Он магистр?

— Да, — как-то хмуро ответил Ирон.

— Какой у него титул?

— Обращайся к нему по имени. У этого магистра нет официального титула, а негласный уж больно длинный.

— Как так? — с недоумением спросил Вилар. Каждому магистру при вступлении в должность давался титул, и обратиться к магистру по имени было весьма грубо. — У каждого же он есть.

— Среди магистров этого зовут Приговорённым жить. Длинновато для титула. Ты можешь звать его Альером.

— Альер...

Вилар где-то слышал это имя, но упорно не мог вспомнить, где. Вероятно, посреди разговора каких-нибудь магистров, которые ему иногда удавалось услышать, когда он приезжал в цитадель.

— И-и, — задумчиво протянул Вилар, — где этот магистр?

— В Доме Зари.

Дом Зари был деревней на окраине жизни. Он первый встречал рассвет, и здесь, согласно летописям, началась жизнь. Однако на данный момент это Истинными богами забытое место. Вилар даже не знал, что там был свой магистр.

— Понимаю, что далековато и тихо, — отвечал на молчание Вилара магистр Ирон, но был поспешно прерван.

— Нет-нет, я благодарен. Это же шанс на жизнь, хоть я пока и не понимаю какой. Но если этот Альер мне поможет, я вернусь сюда, и всё будет как прежде.

— Истинно так, — с улыбкой сказал Ирон, — истинно так.

«Надеешься на чудо? В полнолуние я разорву эту жалкую оболочку, которую ты зовёшь телом. Нравится тебе это или нет».

Через несколько дней в комнату Вилара постучали. Не дожидаясь разрешения, дверь открыл рослый мужчина. Он был смугл, ужасно хорошо сложен и серьёзен. Часть волос была сзади собрана в хвост, часть оставалась распущенной. Лицо мужчины «украшал» шрам, пересекающий отсутствующий правый глаз посередине. Из-за шрама Вилар и понял, кто это был.

— Эй, — грубовато гаркнул мужчина, — пошли. Одевайся и садись в повозку у выхода. И без фокусов.

Это был Псарь. Настоящего его имени Вилар не знал, но ему было известно, что это весьма жестокий человек, отвечающий за отряд Охотников. Тому, кто перешёл этим ищейкам дорогу, следовало молиться Истинным богам о помиловании. И теперь люди Псаря, судя по всему, повезут Вилара в Дом Зари.

Едва Псарь ушёл, хлопнув дверью, Вилар встал и начал одеваться. Все эти пару дней с прихода магистра Ирона никак не удавалось успокоиться, особенно перед сном. А сейчас, казалось бы, в самый напряжённый момент, Вилар не чувствовал ничего. Возможно, он просто так сильно себя вымотал, что больше не был способен на волнение.

На сборы потребовалось меньше пяти минут. Вилар вышел из лазарета и первым, что он увидел, была не повозка, а его друзья. В полном составе. Улыбка сама оказалась на лице, несмотря на повод. Вилар резко сорвался и, подбежав к ребятам, обнял каждого. Он слышал их слова поддержки: «Мы будем тебя ждать. Не сдавайся, Вилар! Как ты нас и учил. Вилар, будь осторожен. Вилар, мы приедем к тебе, как только дадут возможность. Вилар, всё будет

хорошо». Этот момент хотелось растянуть на долгие часы. Кто знал, увидит ли он их всех ещё раз. И если внешне Вилар не позволял себе раскисать, то внутренне ему хотелось кричать. Как бы время ни пыталось помочь, замедляя свой ход, всеильным оно не было.

— Кхм. Не люблю, конечно, прерывать нежности, но ты всех задерживаешь, — раздался за спиной голос Псаря.

Вилар обернулся, виновато кивнув, тепло попрощался со всеми и пошёл к повозке. В ней уже сидел какой-то крохотный старичок. Едва Вилар дошёл, как на его плечо упала тяжёлая, огромная ладонь Псаря и послышался строгий голос:

— Веди себя как хороший пёсик. Иначе снова встретишься со мной, и тебе это не понравится. А ещё это тебе от Святейшего, — он всучил Вилару небольшой свёрток.

Вилар не успел что-либо ответить, Псарь уже начал уходить. С недовольным вздохом Вилар забрался наконец в повозку, садясь напротив старичка и бросив ему короткое «Здрасьте». Оказалось, помимо старика тут ещё сидели Охотники, пара рослых парней. Характерной чертой всех причастных к этому отряду, кроме разве что Псаря, были маски, закрывавшие нижнюю половину лица. Вилар заметил, что эта парочка постоянно искоса поглядывает на него и на старичка. Он понимал, почему они это делают, поэтому постарался не обращать внимания.

Повозка тронулась, и Вилар приготовился к долгому путешествию. Он махал рукой Огьеру, Иону, Ливану и Дай'Ла, пока те не скрылись вдали, и внутренне жалел, что магистр Ирон не пришёл к нему лично, а передал некий свёрток через Псаря.

Бедную повозку потряхивало на каждом случайном камне. Вилар чувствовал, что после поездки, когда сойдёт на землю, рискует потерять равновесие и упасть. И вот так трястись предстояло ещё дня четыре, не меньше. Чтобы отвлечься от качки, он открыл тот самый свёрток. В нём лежали два запечатанных письма и обычная записка.

Развернув эту записку, Вилар прочитал следующие строки: «Вилар, оба этих письма отдай Альеру. Сначала моё письмо, ты узнаешь его по печати, затем письмо Милосердного. И будь осторожен. Напиши мне весточку, как доедешь». Внизу красовалась подпись «м. Святейший».

Когда-то Вилар уже слышал о Милосердном. Кажется, это был самый старый магистр из всех нынешних. Поддавшись любопытству, Вилар достал письмо этого магистра, рассматривая сургучную печать. На ней была изображена ладонь, в центре которой находился круглый знак, чем-то напоминавший солнце. А вот печать Ирона была Вилару знакома, это был символ луны.

— Юноша, а тебе зачем в Дом Зари?

Вилар не сразу понял, что к нему обратились. И голос был такой скрипучий, как будто колёса повозки заговорили. Вилар поднял взгляд на старичка и отложил свёрток с письмами в сторону:

— Мне нужно к магистру Альеру. По личному делу.

В подробности своей истории Вилар вдаваться не стремился, привычки рассказывать всем обо всём не имел. Старичок кивнул, загадочно улынувшись.

— К Альеру, значит, — имя магистра он говорил так, будто пробовал его на вкус. — Видел его однажды. Это было приятное знакомство.

Вот тут стало любопытно. Он чуть наклонился к скрипящему в унисон повозке дедушке и спросил:

— И какой он?

— А? Не знаю. Он помог мне корзину донести. Я тогда яблок слишком много купил у старухи Пьялы. Интересно, эта кляча ещё жива? Яблоки у неё были что надо.

Вилар не совсем понял, говорил старик о реальных яблоках или это был какой-то мерзкий эвфемизм, но решил, что допытываться не будет.

— А вам зачем в Дом Зари? — Вилар решил перевести тему.

— А умру я там, — буднично сказал старик, — я не тем богам поклоняюсь. Меня поймали. И я попросил казнить меня там, где я родился. Уж больно мне нравится Дом Зари.

Дедуля весело скрипел, а вот Вилару было совсем не до смеха. Он нахмурился и сильнее наклонился к нему, тихо зашептав:

— Так раскаяться же могли. Признать вину, помолиться Истинным богам, и дожили бы свой век спокойно.

— Каким таким Истинным? Тьфу! Не буду я молиться тем, кого не существует.

Вилар выпрямился, подумав, что дед абсолютно безумен. Рука сама осенила грудь знаменем солнца, отчего старичок снова брезгливо сплюнул. Охотники недобро зыркнули в их сторону, но ничего не сказали.

Через время Вилар снова решился спросить, переходя на заговорщический шёпот:

— А кому вы хоть поклонялись? Ради чего такие жертвы?

Дед чуть помедлил с ответом, и голос его теперь звучал без лишнего скрипа, будто бы помолодел лет на двадцать:

— Я молился Огню, юноша.

От этих слов Вилар поёжился, сразу отвернувшись. В последние дни он невзлюбил огонь.

В целом, дорога до Дома Зари прошла спокойно и заняла четыре дня, как и предполагалось. Точнее, добрались они на рассвете пятого дня пути. Вилар много спал, сумасшедший

дедуля его не беспокоил и, вероятно, много думал о чём-то своём. И правильно, ещё не хватало слушать его проповеди о каком-нибудь Огне, которому он там молится.

Дом Зари оказался ещё более глухой деревенькой, чем Вилар себе представлял. Домов было совсем мало, и те приземистые и скромные, и над ними возвышался каменный собор. Что сразу бросилось в глаза — собор не был выстроен в виде привычного шестиугольника. Он скорее походил на небольших размеров замок, очень-очень небольших, с покрытыми зелёным мхом стенами и витражными окнами. Ну, хотя бы сразу было понятно, куда идти, и дорогу спрашивать не пришлось.

Вилар хотел попрощаться со своим тихим попутчиком, но деда быстро начали уводить в сторону. Ничего не оставалось, кроме как взять свои немногочисленные пожитки и пойти в сторону собора.

Косые взгляды местных обитателей грозились испепелить Вилара. Люди здесь явно к гостям не привыкли, и к каждому чужаку относились враждебно. До ушей доносились тихие шепотки, но смысл их был не различим. Ну ничего, всё понимаемо.

Совсем быстро, а под дикими взглядами ещё быстрее, Вилар дошёл до собора. Массивная деревянная дверь, всхлипнув, поддалась довольно легко, открывая вид на не слишком просторный зал. В ряд стояли несколько скамеек, обращённые к алтарю Солнца и Жизни, у другой стены стоял камин, пока ещё не используемый. Витражи окон окрашивали зал во всевозможные оттенки жёлтого, красного и зелёного, когда сквозь них проходили солнечные лучи. Это торжество красок отвлекало от общей тленной атмосферы.

Вилар, оглядевшись и не найдя здесь ни единой живой души, прошёл вглубь зала к диковинным витражам. Они не складывались в какую-то осмысленную картинку, по крайней мере, на первый взгляд. Хотелось разгадать их смысл.

Пока глаза были заняты, до ушей донёсся слабый шорох. Вилар резко повернул голову в сторону звука, определив её с невероятной точностью, и увидел за дверным проёмом, ведущим вглубь собора, маленькую тень. Невольно нахмурившись, он настороженно повернулся уже всем телом, собираясь разведать, что за неизвестное существо притаилось в укрытии. Тень стала больше. И ещё чуть-чуть больше. Вилар напрягся. И тут нечто сделало шаг на свет и заговорило.

— Гость, — у этого нечто оказался звонкий детский голосок. Да и похоже оно было на девочку. — Я так и знала, что я права.

Теперь на Вилара смотрело не что-то непонятное, а златокудрая маленькая девчонка, на вид лет двенадцати. Бледная, как побелка, худенькая, в простеньком голубом платье и с такими же голубыми глазами. Даже чуть более яркими, чем платье. Пугаться было нечего, и Вилар невольно расслабился.

— А-а, — наконец неуверенно протянул он, — Альер тут? Он мне нужен.

Девочка покачала головой.

— Нет, но должен скоро вернуться. Садись, подожди его тут.

Едва девочка проговорила это, она скрылась в тени коридора. Ничего не понимающий Вилар робко присел на предложенную скамейку, вздохнув. Чтобы занять себя хоть чем-то, он полез доставать свёрток с письмами, которые магистр Ирон наказал вручить Альеру.

— Вытрани карту, — раздался звонкий голосочек прямо перед Виларом, заставивший его вздрогнуть от испуга. Девочка вновь стояла перед ним, в руках у неё были какие-то карты, сложенные веером. Она тянула их Вилару, рубашкой вверх, поэтому картинок он не видел. Рубашка была чёрной, и с неё на мир глядел раскрытый глаз.

— Зачем? — аккуратно спросил Вилар, но карту вытянул, пока не переверачивая.

— Погадать тебе хочу.

— Погадать? — Вилар, наконец, перевернул карту. На ней был изображён змей, скалящий свои клыки. Девочка долго смотрела на эту карту каким-то недобрым взглядом.

— Будь осторожен. Я не очень понимаю, о чём эта карта хочет сказать, но, кажется, рядом опасность.

Вот ещё таких радужных предсказаний Вилару не хватало. Он поёжился, вернув карту девочке.

— И что, сбываются твои гадания?

— Я нагадала твой приход, так что да, — гордая улыбка озарила её лицо, когда она взяла карту обратно.

На мгновение воцарилась неловкая тишина. Такая, какую хочется разбавить хотя бы короткой фразой. И Вилар решился, обращаясь к девочке вновь:

— Ты тут живёшь? Как тебя зовут?

— Лея, — ответила она, заправив за ухо свои волосы. Такое простое движение, какое люди совершают машинально, вызвало в этот раз у Вилара огромное удивление.

Ухо девочки было заострённым и длинным. Наверняка второе ухо, скрытое волосами, было таким же. Перед ним, вне всяких сомнений, была эльфийка. Считалось, что эльфы — хитрые и беспринципные создания, редко выходящие из своих лесов и способные насылать иллюзии и проклятия. Но перед Виларом сейчас, вопреки всем поверьям, стоял образчик непорочной наивности.

— Ты, — наконец Вилар ожил, пару раз моргнув, будто пытаясь прогнать морок с глаз, — ты не человек?

— Ты тоже.

И вновь эта девочка заставляла Вилара поёжиться. Он уже хотел спросить, как она догадалась, но его прервал скрип деревянной двери, заставивший отвернуться от Леи.

Вилар увидел юношу примерно своих лет, даже немного младше. Он был одет в магистерские одеяния, бледен, как и Лея, но волосы его были не золотого оттенка, а куда более светлого, и глаза были похожи на две голубые льдинки. Магистр, заметив несколько необычную оживлённость зала, за пару секунд испытал весь спектр эмоций от недоумения до насто-роженности, по крайней мере, об этом можно было судить по выражению его лица. Быстро сокращая расстояние до Вилара, он весьма грозно произнёс:

— Чего тебе здесь надо, оборотень?

Голос метал ножи-слова. И вообще, откуда эти двое всё знают? Вилар не привык, что к нему обращаются в таком тоне, как к незваному гостю. Нет, конечно, он сейчас таковым и был, но его профессия давала ему некоторые привилегии, а потому к нему всегда относились с почтением.

— Магистр Альер, — наконец осторожно начал говорить Вилар. Называть магистра по имени было физически трудно. — Мне нужна помощь.

Альер уже стоял перед Виларом и придирчиво его разглядывал. Будто видел намного больше, чем просто человека перед собой. Ну, технически, не человека на данный момент, но эту деталь Вилар предпочитал опускать. Неожиданно Альер вскинул руку, и в воздухе рядом что-то изменилось. Он стал плотнее, появилось лёгкое золотистое сияние, и в считанные секунды в руке появилось копьё. Свечение оружия озаряло лицо Вилара.

— У тебя минута, оборотень.

Брошенные Альером слова угрожали не меньше, чем копьё. Он явно не шутил, и, сделай Вилар хоть одно резкое движение, он оказался бы уже с дырой в груди. Альер смотрел на него с нескрываемым раздражением, как всякий человек смотрит на назойливую муху, которую не получается прогнать, а Вилар замер. Он не мог отвести взгляда от оружия, наконецник которого начинался бутоном стального цветка, а заканчивался смертельным остриём.

Пока Вилар пребывал в оцепенении, стальной цветок распустился, открывая часть кончика, которую прятал. Трудно было представить, насколько больно будет, если эти лепестки

раскроются в чужом теле. Вид оружия вызывал неподдельный восторг, которому Вилар с лёгкостью поддавался, проверяя на прочность терпение Альера.